

Чехов поспешил возразить: «Но разве в рассказе от начала и до конца я не протестую против лжи? Разве это не направление?»

Слова Чехова едва ли убедили редактора, который, как легко догадаться, счел чеховский «протест против лжи» всецело относящимся к узкой области личной морали. Между тем в повальном лгании, которое изображено в «Именинах», Чехов видел всероссийское зло, ибо ложью были в то время, как ядом, пропитаны все поры тогдашней общественной жизни. Вспомним хотя бы знаменитую концовку «Человека в футляре», где слышатся проклятия всему социальному строю, основанному на лицемерии и ханжестве:

«Видеть и слышать, как лгут... и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносить обиды, унижения, не смея открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена,—нет, больше жить так невозможно!»

Вот какой громадный политический смысл таился в чеховском обличении лжи. Чехов имел полное право назвать свой протест против нее направлением.

Общественная мораль, твердил он, только тогда и сильна, когда она опирается на высокое благородство каждого.

Чехов никогда не отделял личной морали от общественной. Люди, нечестные в личном быту, не могут быть, по убеждению Чехова, искренними борцами за социальную правду. Оттого он так презирал либеральных фразеров, которые, собравшись за ресторанным столом, любили в пьяных речах похваляться своей горячей любовью к народу.

Чехов так и записал у себя в дневнике:

«Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т. п., в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, и на улице, на морозе ждут кучера,—это значит лгать святому духу».

Но был общественный слой, в котором сквозил всю его темноту и забитость Чехов видел тяготение к правде и глубокую веру в нее.

«...Все же, приглядываясь к нему (к мужику. — К. Ч.) поближе,—говорит в «Моей жизни» маляр Мисайл,—чувствуешь, что в нем есть то нужное и очень важное, чего нет, например, в Маше и в докторе, а именно, он верит, что главное на земле — правда, и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость».

То же и в рассказе «По делам службы», где изображен старый крестьянин, замученный бессмысленной и беспросветной работой, и все же, как говорится у Чехова, сохраняющий глубокую веру «в то, что на этом свете не правдой не проживешь».

А если это так, то не ясно ли, что правдолюбие Чехова — глубоко народная, национальная черта его личности?

Конечно, дело было гораздо сложнее, чем можно изобразить в краткой журнальной статье. Я очень далек от намерения выставить Чехова каким-то сусальным праведником. Чехов был живой человек, очень сложный, не чуждый человеческих ошибок и слабостей, и если я так настойчиво подчеркиваю только одно его душевное свойство — непримиримую ненависть ко всяческой лжи, — то лишь потому, что этой ненавистью в моих глазах обусловлен основной характер его стиля, его языка, всей его литературной манеры.

Ибо можно ли сомневаться, что без этого культа безбоязненной, ничем не прикрашенной правды Чехову никогда не удалось бы создать тот смелый, беспощадно правдивый, новаторский стиль, который и сделал его величайшим реалистом эпохи.

Благодаря этому максимализму правдивости Чехов имел драгоценное право повторить вслед за Толстым, что герой всех его писаний, которого он любит всеми силами души, которого старается воспроизвести во всей красоте его и «который всегда был, есть и будет прекрасен,— правда».

Восхищение, любовь...

Чехов пользуется на Востоке огромной любовью. В Китае переведены почти все его произведения... Как и вся русская культура, творчество Чехова стало культурным достоянием всего человечества.

Главнейшая причина популярности Чехова заключается, вероятно, в том, что форма и стиль его произведений близки и понятны восточному читателю, который более всего ценит в художественном творчестве лиризм и содержание, свободное от тяжелых и застывших красок.

Влияние Чехова на новую литературу и искусство Китая поистине огромно...

ГО МО-ЖО, Китай

Трудно представить себе драматурга, у которого не вызвало бы зависти одно свойство чеховских пьес. Свойство это — чувство равновесия (balance). В этом Чехов, по моему, ближе к Шекспиру, чем кто бы то ни было другой. Неизбежные искажения, вызываемые самой природой театра с его условно сжатым временем сценического действия, у Чехова не так бросаются в глаза, у него меньше подтасовки, меньше боязни показаться смешным, меньше боязни пафоса. Его художественная манера полна мягкости, он смотрит на мир взглядом добрым...

Главное, что мне хотелось бы подчеркнуть, сводится к тому, что в то время, как чеховское умение проникнуть во внутренний мир своих героев безгранично, в то время, как интерес свой он сосредоточивает прежде всего на их духовной жизни, его широкий взгляд художника простирается далеко за пределы индивидуальной психологии героев... Словом, пьесы Чехова отнюдь нельзя назвать психологическими этюдами. Они выражают весьма критическую точку зрения, характеризующую не только его героев, но и социальную среду, в которой они живут.

Артур МИЛЛЕР, США

Нет ничего удивительного в том, что Чехов так сразу и так сильно захватил нашего читателя. Из великих русских реалистов он во многих отношениях особенно нам близок. Мы неизменно восхищаемся человечностью замечательных образов Тургенева, Толстого, Достоевского, но, разумеется, не можем не чувствовать, что помещичий мир Тургенева, аристократическая среда Толстого и — в противоположность этому — пестрый kaleidoscope людей у Достоевского — это мир, которого у нас не было, в который нам, следовательно, нужно было вживаться, что, конечно, при большом искусстве этих мастеров слова было нетрудно. Но когда появился Чехов, он не мог не повлиять уже одним тем, что был нам близок и изображаемой им социальной средой. Его мелкая буржуазия, его интеллигенция и нам хорошо известны, часто они словно взяты из нашей жизни... Поэтому Чехов с его рассказами не попал у нас в чужую среду. Его демократизм находился в полном соответствии с демократическим духом чешской реалистической литературы.

Зденек НЕЕДЛЫ, Чехословакия

Антон Павлович Чехов — это был любимый автор нашей молодости. Это он вместе с Толстым, Тургеневым, Пушкиным, Щедриным формировал нашу духовную жизнь, учил глубоко понимать и любить человека, был бездонным кладом человечности и источником красоты жизни.

Т. СВАТОПЛУК, Чехословакия

Чеховская драматургия, ставя вопрос, могут ли люди, которые живут сейчас плохо, жить лучше, дает на это положительный ответ. И убедительность этого ответа достигается тем, что Чехов не вкладывает его в уста персонажей своих произведений, а дает его в подлинном реалистическом изображении действительности. Перед зрителем проходят живые люди во всей оригинальности их духовного облика, лишенные малейшей карикатурности, показанные в их подлинной социальной среде, такими, словом, какими их делает повседневная жизнь определенного класса, определенной страны в определенный исторический момент.

Сила Чехова в том и состоит, что он изображает пошлость и трагизм своих героев, не изолируя их от окружающей среды. Его занимает не «судьба Человека», а участь людей, живущих в обществе, которое они сами для себя создали и которое могут преобразовать.

Андре ВЮРМСЕР, Франция

Вряд ли существует в наши дни хоть один французский романист, который решился бы утверждать, что не испытал на себе прямого или косвенного влияния Чехова... А как велико было влияние чеховского творчества на мировую литературу его времени! Такой мастер рассказа, как, например, английская писательница Кэтрин Мансфилд, обязана ему решительно всем. Остальные писатели также обязаны ему в большей или меньшей степени, и во всяком случае Чехов произвел в свое время коренной переворот в жанре рассказа. А так как среди современных писателей очень мало или, вернее, совсем нет людей, не сохранивших связей с одним или несколькими представителями старшего поколения, я уверен, что в жилах каждого романиста наших дней есть хоть капля «писательской крови» Чехова.

А если говорить о себе, то я прекрасно знаю, что, не будь Чехова, я не писал бы так, как пишу. Художественные приемы, использованные в моем рассказе «Морское безмолвие», восходят к приемам англо-саксонских романистов начала века, а те, в свою очередь, восходят к приемам Антона Чехова. Разумеется, мои произведения похожи на произведения Чехова не более, чем бывает похож ребенок на своих многочисленных предков, но литературовед без труда мог бы обнаружить в них то, что ведет начало от Чехова. Это, мне кажется, относится и к большинству современных писателей. Вот почему каждый из нас должен питать к Антону Чехову не только чувство глубокого восхищения, но и сыновней любви.

ВЕРКОР, Франция